

НАСЛЕДНИЦА ИЗ ГЛЕНМЭГОЛИ

— Послушай, Боб, — сказал я, — так не годится, надо что-то делать!

— Надо, — эхом откликнулся Боб, попыхивая трубкой, когда мы сидели вдвоём в маленькой, затхлой гостиной Шамрок-Армса — унылого постоянного двора в Гленмэголи.

Гленмэголи больше было решительно нечем прославиться, как только тем, что эта деревня — центр огромного пространства болотных земель, на которых ведутся торфяные разработки. Болота эти тянутся с удручающим однообразием до самого горизонта, и ни единая неровность, ни единый выступ не оживляет их. И только в одном месте, на Морристонской дороге, зеленела сиротливая полоса густого леса, но подобная роскошь в здешних краях могла лишь усугубить безнадежность окружающей пустыни. Сама деревня — это вытянутая линия жалких домишек с соломенными крышами, в каждом дверь распахнута настежь, и в неё бегают туда-сюда босоногие дети, тощие свиньи, куры и петухи, шагают взад-вперёд мужчины-оборванцы и грязные, неряшливые женщины. Но Бобу Эллиоту туземцы, судя по всему, нравятся. Уж точно ему лестно, когда он идёт по улице, слышать восхищённые восклицания, несущиеся вслед, вроде: «Ой, ты только погляди на него! Вишь, какая одёжка на нём шикарная!» Или: «Ай-яй, какой красавчик этот шентильмен, а?» И прочее в том же роде. Но я выше всего этого. Помимо того что я куда

красивее Боба, красота моя относится скорее к интеллектуальному типу, и таким дикарям её понять не дано. Нос у меня с благородной горбинкой, на лице — аристократическая бледность, а очертания головы недвусмысленно говорят об отменной умственной силе. «Ладно уж хоть не урод какой-то!» — вот, пожалуй, самое безобидное суждение, высказанное на мой счёт этими жалкими недоумками.

Представьте только, мы прожили в этой варварской дыре уже около недели! Боб и я — мы троюродные братья, и наш общий дальний родственничек, некая старая леди, которой ни один из нас, как водится, в глаза не видывал, оставила нам по небольшому кусочку недвижимости где-то здесь, на западе. Общение с агентом, ведающим земельным участком, а также необходимость постоянных консультаций с дотошным деревенским поверенным покойной дамы продержали нас в Шамрок-Армсе уже неделю и, похоже, грозили нам пребыванием в сём незавидном пристанище по меньшей мере ещё на тот же срок. Хотя, разумеется, ничто не могло гарантировать, будто мы в состоянии выдержать подобную скуку в дальнейшем.

— Так что же нам всё-таки делать? — снова простонал Боб, поддерживая нить уже угасшей беседы.

— А где, собственно, Пендлтон? Давай-ка разбудим его и позабавимся над ним, — предложил я, сам не очень-то веря в свою находку.

Пендлтон был наш сосед по гостинице — тихий юноша, не лишённый художественных дарований, но питавший странную слабость к уединению и одиноким блужданиям по здешним развесёлым окрестностям. Все наши попытки извлечь из него хоть какие-то объяснения касательно целей пребывания его в столь приятном месте, как Гленмэголи, потерпели полную неудачу, так что мы в конце концов остановились на мысли, что сии

ирландские унылые трясины как-то гармонировали с его мизантропическим складом ума.

— И не затевайся, — отвечал мой товарищ. — Пендлтон мрачен, как могильный камень, да ещё застенчив, как девица. Ни разу не встречал подобного парня. Сегодня утром, пока ты писал своё письмо, я хотел было взять его с собой, чтоб он малость пособил мне обменяться любезностями с двумя девочками в тканевой лавке — с этими ирландочками, знаешь ли, помощь может весьма пригодиться. Так он, представь себе, покраснел как рак и даже слышать ничего не пожелал об этом.

— Да, донжуан из него никудышный, — согласился я, поправляя галстук перед засиженным мухами зеркалом и упражняясь в придании лицу известного выражения, которое, как я выяснил, весьма действенно при общении со слабым полом, — эдакий на манер байроновского Лары пиратский прищур одним глазом: он совершенно определённо наводит на мысль о тайных муках и о душе, с негодованием отвергающей беспросветную скуку обывательского существования.

— Но, может, всё-таки он зайдёт — хотя бы в карты поиграем.

— Что ты! К картам он не прикасается!

— Скажите на милость! — возмутился я. — Ну что ж, Боб, посылай за хозяином, и пусть он наконец подробно объяснит нам, чем могут заняться в здешних краях два молодых и почтенных джентльмена.

В данных обстоятельствах сие можно было признать наиболее разумным образом действий, так что посланник наш отправился в самой что ни на есть срочной спешке, дабы призвать Денниса О'Кифа, нашего достойного хозяина, предстать пред наши светлые очи.

Позвольте мне заметить, пока он шаркает своими замызганными козовыми шлёпанцами, поднимаясь по лестнице к нам наверх, что я, известный под именем

Джона Веркера смертный, адвокат, долженствующий, по всеобщему мнению, вознестись к самым вершинам своей славной профессии, хотя, признаться, реальная высота моего вознесения за прошедшие четыре года практики едва ли способна вскружить голову мне или кому-то ещё. Правда, несколько славных маленьких делец были затеяны за это время против меня в судах графства, так что можно теперь признать, что я не зря грыз гранит науки, коль скоро мне удалось-таки слегка привести в движение заржавленную машину закона. Разумеется, собственная моя выгода от этих благородных начинаний просматривается только где-то в очень отдалённом будущем.

О'Киф был прекрасный образчик здешнего кельта: лицо в веснушках, волосы жёсткие, пронизательный взгляд серых глаз, глубокий, богатый оттенками истинно ирландский голос.

— Доброго вам утреца, господа! — начал он прямо с порога, при этом его большие ноги с огромными ступнями и неуклюжая походка делали его похожим то ли на медведя, то ли на орангутанга. — Чем вашим милостям будет угодно заняться сегодня?

— Вот именно это мы и хотели спросить у вас, О'Киф, — отвечивал Боб. — Чем, в самом деле, нам бы заняться? У вас есть что предложить?

— Ну... есть, знаете ли, церковь, — в замешательстве промолвил О'Киф, почёсывая рыжую голову. — Славное зданьеце, доложу я вам. Один *жентельмен* приезжал сюда в позапрошлом году аж только за тем, чтоб взглянуть на неё. Может, вашим милостям...

— К дьяволу церковь! — прорычал Боб с такой яростью, будто он радикальный сторонник отделения Церкви от государства. — Мы уже пять раз в ней были за эту неделю, пропустив только воскресенье. Что ещё предложишь, старый кельтский путеводитель?

Надо сказать, что наш хозяин имел обыкновение выказывать полнейшее равнодушие по части невразумительных цветистых эпитетов, коими уснащал свою речь Боб, характеризуя своё к нему, хозяину, отношение. Он только ещё малость подумал над предложенной головоломкой.

— А что? Знаете, в болотах наших есть ведь провал, — предложил он без особой уверенности, — та самая дыра, куда ребята скинули мистера Лайонса из Гленморриса — будь он неладен! После того, как они его пристрелили. Так вот, вам, может, пришлось бы по душе взглянуть, где его потом нашли — башкой в грязи, а ноги торчат. Эх, судари вы мои, славное то было зрелище для наших крестьян! Уж трудились они на него, трудились, бедняги, как какие-то рабы, а он, погань такая, возьми да вылезти вдруг со своими сверхурочными двадцатью пятью процентами ренты, да ещё пригрозил, что выдворит всех, кто ему не заплатит, к свиньям собачьим! Только вы, ясное дело, прихватите с собой чем червячка заморить и чем горло промочить — парнишка вам всё поднесёт. Потому как лучшего места на свете для пикника, чем у этой самой дыры, ну просто ни в жизнь не придумать.

— Перспектива в самом деле заманчивая, — откликнулся я. — Только сдаётся мне, велико вероятие, что безобидные труженики полей могут снова возыметь фантазию высадить ещё парочку англосаксов в ту же самую дыру на болоте. Видать, у неё не может быть иного употребления. Нет, О'Киф, мы отвергаем ваше предложение.

— А чтой-то там за деревья, вон те, на востоке? — поинтересовался Боб. — Там наверняка найдётся на что посмотреть.

— Найдись-то найдётся, только вас там ведь и пристрелить могут, коль вы высунете носы над забором. То частное владение, сэр, земли семьи Клермонт.

— В славные края нас занесло, Джек! — не без ехидства заметил мой товарищ. — Не знаю, как тебе, а по мне, хоть бы старикан наш, О'Киббл, нарыл где-нибудь кодицил¹, отчуждающий у нас поместье и передающий его кому-нибудь другому.

— Да что вы, в самом деле! Разве можно судить о наших краях сейчас, когда тут всё спокойно? — начал терять терпение наш хозяин. — Подождите, пока заварушка не начнётся опять — глядишь, на следующий год или там ещё через годик. Здесь ведь весело, здесь такая потеха, когда ребята разойдутся! Никто уж не будет вздыхать о прелестях *тизажа*. А как вы сами к тому времени, глядишь, здешними помещиками заделаетесь, так вам будет ни в жисть не пропустить смысла этой забавы.

— А как насчёт этих Клермонтов? — спросил я наудалую. — Они что, живут на собственной земле?

— Спаси бог, сэръ! Ну вы и сказанули, прямо в точку попали! Они ведь только и делают, что живут на *собственной* земле. Они уж лет пятнадцать как никуда с неё не высовываются!

— Как так? — воскликнули мы в один голос.

— Высоченный кирпичный забор — просто крепостная стена, и они — ни шажочка за ворота своего парка. Ни один человек, из тех, с кем я говорил, не видел лица мисс Клермонт — только старого Денниса, привратника, а это негодяй с грязным языком. Она же, сказывают, сделалась самой хорошенькой девчонкой во всём графстве, не говоря уж о двадцати пяти тысячах в собственном владении.

— *Что?!* — взревели мы оба.

— Двадцать пять тысяч фунтов, — торжественно отчеканил О'Киф, — а коль помрёт наконец старая кошка,

¹ *Кодицил* — приписка к завещанию, оформленная юридически. — *Здесь и далее примечания составителя настоящего сборника, кроме указанных особо.*

её мать, так и всё состояние семейства достанется этой мисси.

— Что она такое? Где она? Кто она? Что всё это за дьявольщина и чертовщина? — восклицали мы с Бобом, сооружая что-то вроде строфы и антистрофы в греческом хоре, ведомом хозяином.

Рассказ О'Кифа об истории семьи Клермонт оказался весьма примечателен, и, если очистить его от множества несообразных ирландских цветистостей и отступлений, сводился к следующему. Лет где-то шестнадцать назад некий майор Клермонт явился в графство, привезя с собой огромную сумму денег наличными, а также жену импозантной наружности, сильно смахивавшую на иностранку, и хорошенькую дочурку лет примерно двух. Истратив часть пункта первого на покупку довольно крупного имения по соседству со здешней деревней, он обосновался в этом поместье в расчёте на признание со стороны помещиков графства. И таковое не замедлило последовать, в отношении, по крайней мере, самого майора, ибо он, как старый гвардеец, занимал в обществе твёрдое положение, чему немало способствовали и многие его собственные качества, достойные всяческого уважения. Но с мадам дело обстояло иначе. Мужчины могли пить старый кларет бывалого вояки или поохотиться денёк-другой в его фазаньих заказниках, но жёны их всё это время на глаза не показывались. О происхождении миссис К. ходили самые невероятные слухи. Утверждалось даже, что до замужества она выступала на сцене; а кто-то говорил и ещё более ужасные вещи. Некоторые заходили при этом настолько далеко, что позволяли себе сомневаться, имеется ли у неё вообще клочок голубой бумаги, коего требует цивилизация¹. Именно последнее суждение донёс до ушей майора какой-то любитель совать свой нос

¹ Имеется в виду свидетельство о браке.

в чужие дела, не поколебавшийся при этом связать его с именем соседствующего помещика. Майор, надо сказать, был вспыльчивый холерик. Он схватил один из своих самых тяжёлых охотничьих хлыстов, вскочил на коня и в ярости помчался по аллее с достойным намерением побеседовать с очернителем репутации своей жены. К удивлению привратника, ветеран верховой езды покачнулся у него на глазах в седле, когда пулей выскочил из ворот, а затем с глухим стуком упал навзничь прямо на пыльную дорогу. Местный доктор объявил, что это — апоплексический удар, семейный же врач предпочитал видеть в этом порок сердца, но, какова бы ни была причина, достойный дух майора отлетел далеко прочь от Гленмэголи. Вот тогда-то и сказала в полной мере безудержная чужеземная страстность, которая читалась на лице жены, и заявила о себе в полную силу: вдова пожелала остаться жить в поместье, потому как оно ей пришлось по душе, но жизнь её отныне была предназначена к тому, чтобы оплакивать понесённую утрату и воспитывать дочь на свой иноземный лад. Она поклялась, что никогда впредь не обменяется ни единым словом или взглядом хоть с одним живым существом, проживающим в этом графстве, ибо все они оскорбили её и стали, пусть и косвенно, причиною смерти её горячо любимого супруга. Большие ворота были замурованы, в них оставили только маленькие окошки, через которые передавались из рук в руки пищевые припасы и прочие предметы необходимости, заказанные Деннисом, несносным привратником миледи. Внушительный ряд пик был воздвигнут на кирпичной стене, всегда окружавшей поместье. В этом чрезвычайном уединении, отрезанные от всего мира, миссис Клермонт и её дочь прожили пятнадцать лет, скрытые от всех глаз людских, за исключением нескольких слуг-англичан, пожелавших остаться с ними, да ещё, быть может, случайного храброго мальчишки,

не побоявшегося забраться в лес, окружающий усадьбу. Видимо, подобные отчаянные разведчики и принесли в большой мир весть о необычайной красоте юной наследницы поместья, хотя ни один взрослый мужчина до сей поры не имел возможности составить собственного мнения о предмете столь важном. И сейчас наследница Гленмэголи приближалась к своему восемнадцатилетию.

Таково было повествование О'Кифа, которое мы с Бобом выслушали с превеликим вниманием, уперев локти в стол, а подбородки — в ладони.

Как только О'Киф закончил, наступила тишина, которую ни один из нас не стремился прервать. Боб Эллиот яростно дымил своей трубкой, а я мечтательно смотрел в окно на соломенные крыши домиков и длинную унылую поверхность болот, уходивших вдаль до самого горизонта.

- Она красивая? — спросил Боб в конце концов.
- И ещё как!
- И богатая? — поинтересовался я.
- Дьявольски богатая.

Снова наступило молчание. И посреди этого молчания наш достойный хозяин, решив, очевидно, что мы не самая подходящая для него компания, тихонько вышел из комнаты, неведомо почему ступая на цыпочках, словно боялся нас разбудить.

Предоставленные самим себе, мы сделались лишь задумчивее прежнего. Боб беспокойно прохаживался перед дверью туда-сюда, я же насвистывал что-то себе под нос и по-прежнему смотрел в окно. Оба мы совершенно углубились в свои мысли.

— Нет, ты только попробуй представь себе девушку, ни разу не видевшую нашего брата мужчину! — провало наконец Боба.

— Девушку, которой не коснулись условности цивилизации! — внёс и я свою лепту.

— До чего же она должна быть безыскусна и как простодушна! — рассуждал мой товарищ, теребя свой ус.

— Какая бездна нерастраченной любви должна таиться в её сердце! — воскликнул я, напяливая на себя личину томительной пиратской страсти.

— Как она, должно быть, ребячлива и как романтична! — изрёк Боб, приглаживая волосы перед зеркалом.

— Как, надо полагать, легко решительному малому завоевать её! — ввернул я, улыбаясь своему собственному отражению поверх Бובהва плеча.

И вот что странно, за весь длинный остаток дня, хоть нам и не подвернулось ни малейшего развлечения, никто из нас не жаловался более на скучное прозябание в этом Гленмэголи. Казалось, оба мы как-то вдруг сразу примирились с созерцательной жизнью и даже к Пендлтону стали куда более терпимы, хотя до недавнего времени его довольство обстоятельствами представлялось нам по меньшей мере оскорбительным. Он явился где-то к ужину со своим альбомом зарисовок, в заляпанных грязью башмаках, и имел вид самый счастливый, будто ему довелось обретаться среди живописнейших и самых изысканных ландшафтов на свете. Надо признать, что, не будь Пендлтон так застенчив и робок, он показался бы вполне приятным малым, ну, по крайней мере, в мужском обществе, хотя, разумеется, его скромность неизбежно превратила бы его в пустое место в глазах женщины. Он высок, строен, светловолос, короче, довольно красивый молодой человек, и уж во всяком случае гораздо красивее Боба.

Я не слишком-то хорошо спал этой ночью, да и товарищ мой, надо полагать, тоже. Около двух часов по полуночи его растрёпанная голова вдруг просунулась в мою полуоткрытую дверь.

— Привет, Джек, — сказал он, — ты спишь?

— Нет.

— Так какая цифра там называлась?

— Двадцать пять, — проворчал я.

— Надо же, а я думал, только двадцать. Спасибо! Спокойной ночи! — И голова исчезла, словно призрак в «Макбете».

— Спокойной ночи! — пробурчал я.

Не приходилось сомневаться, что мысли наши двигались практически по той же самой колее. Что до меня, то планы мои вполне созрели, так что я мог позволить себе улыбаться раздумьям Боба. Пока он предаётся бессмысленным мечтаниям об ожидающем его сокровище, я просто сгребу добычу и унесу её с собой. Железная решимость всегда отличала нас, Веркеров. Засыпая, я не переставал посмеиваться про себя, когда думал, как ловко я обойду своего родича завтра.

День занялся без единого облачка на небе. Эллиот и Пендлтон оба сидели за завтраком в тягостном молчании, а я, полностью углубившись в обдумывание предприятия, которым намеревался заняться без всякого откладывания в долгий ящик, даже не пытался вступать с ними в разговоры. После завтрака Пендлтон заявил о своём намерении совершить небольшую прогулку в поисках живописных эффектов, а Боб почти тут же вышел из дому, чтобы глотнуть побольше свежего воздуха. Всё это было как нельзя более кстати. Я всё утро напрягал голову, как бы мне избавиться от своего товарища, а он вдруг сам проявил столь достойную инициативу. Дав ему полчаса форы, чтобы он успел убраться куда подальше, я выскользнул через чёрный ход Шамрок-Армса и бодрым шагом направился по Морристонской дороге к усадьбе Клермонтов.

Единственное, что меня несколько беспокоило и вызывало сомнения, так только то, каким всё-таки образом мне добиться встречи с юной леди? Улыбнись удача мне в этом, а остальное уж не составит особого труда — так помышлял я тогда. Я представлял себе

умственное состояние молодой красавицы, чувство одиночества, которое неизбежно подавляет юную душу. Сердце её, заточённое вдали от мира, должно рваться к мужской груди, на которую можно доверчиво склонить головку, и, конечно же, к сильной мужской руке, которая только и способна разорвать её оковы. Помимо того — и не надо об этом забывать, — я мужчина, наделённый исключительными личными достоинствами. Здесь нет и речи о самодовольстве, просто я вполне объективен, оценивая свои преимущества. И очам, которым доводилось время от времени видеть одного только привратника Денниса, «грязного на язык негодяя», как характеризовал его почтенный О'Киф, я должен был бы представиться по меньшей мере Адонисом. Да, кстати, а как быть с этим Деннисом? Может, моё вторжение не придёт к нему по душе? Ба! В конце-то концов, это всего лишь старик. О'Киф что-то сказал и об этом. Да и чем не рискнёшь ради девушки, которую ты готов обожать? А вдруг у него ружьё? У этих ирландцев такие горячие головы, да ещё они такие кровожадные! Право слово, есть над чем призадуматься — и шаги мои как-то сами собой замедлились.

Я как раз подошёл к тому месту, где вдоль дороги пошла высоченная кирпичная стена с островерхим гребнем, оцетинившимся железными пиками и посыпанным осколками бутылочного стекла. Во всём этом нетрудно было признать по описаниям, данным О'Кифом, границу владений семейства Клермонт. За стеной, насколько я мог судить, был густой лес. Итак, я решаюсь или нет? Я подумал о двадцати пяти тысячах фунтов. Да и что привратнику делать с ружьём? То-то будет сюрприз для Боба Эллиота — а уж для Пендлтона, скромняги Пендлтона! Ха-ха-ха! Как они будут клясть себя за недостаток предприимчивости, когда увидят, что за добыча проскользнула у них между пальцев! А в Лондоне? Представить только, как заговорит наша

братия — пусть бы даже я потерпел неудачу! Репутация предприимчивого донжуана мне обеспечена! Я уже видел, как Клинкер, или Ватерхьюз, или ещё кто-нибудь из наших заваливается в винный погреб в Темпле и ведёт такие речи: «Послушайте, братцы, что я вам скажу! Знаете, что новенького учудил наш Веркер? Сущий дьявол этот Веркер, когда дело доходит до женщин! Так вот, пару недель назад он побывал в Ирландии, и там...» И так далее, и тому подобное, и прочая, прочая...

— Богом клянусь! — воскликнул я, бросаясь к стене в порыве безрассудства. — Я своего добьюсь, пусть бы мне и пришлось ободрать колено!

Колено я и в самом деле ободрал, да не одно, а оба, но это ещё не всё. Ещё я расстался с частью волос на голове, разодрал в кровь плечо, локоть, кисти рук и лодыжки, а также порвал пальто и потерял шляпу. Наградой за всё мне было то, что я сижу теперь верхом на стене и взираю оттуда вниз, на запретные земли за ней. При мысли о том, как я сейчас обойду двух своих товарищей, мне хотелось смеяться. Не сомневаюсь, я бы так и сделал, если б ржавое железное остриё не впилося мне прямо в ногу.

С той стороны стена не казалась такой высокой. Я ухватился за самый крайний выступ, какой мне удалось найти, и опускался на руках до тех пор, пока ноги мои не оказались всего лишь в метре от земли. Тогда я разжал руки. Но вместо того чтоб свалиться вниз, вдруг обнаружил, что беспомощно вишу в воздухе, потому что подцеплен каким-то крюком, который угодил мне за пояс. Но эта неожиданная привязь тут же порвалась, и я с грохотом и треском полетел метра на два с половиной куда-то вниз, попав во что-то вроде канавы или рва, вырытого, как кажется, вдоль всей внутренней стороны ограды и искусно замаскированного хвостом и травой, из-за чего ров этот невозможно было увидеть сверху. Всё это я выяснил уже после того, как

с трудом выкарабкался оттуда, ибо на те несколько минут, что я пролежал на дне этой канавы, из моей головы вытряхнуло решительно все мысли, кроме разве что общего впечатления, что меня шибануло молнией.

Деревья в лесу росли так тесно, что сквозь них ничего нельзя было увидеть, а подлесок оказался настолько густым, что не позволял двигаться ни в какую сторону. Выбравшись кое-как из этого коварного рва, я с минуту колебался, не зная, что мне делать дальше, и уж совсем собрался идти по какой-то тропинке влево, как вдруг взгляд мой упал на небольшую табличку, прикрепленную прямо на стволе дерева. Ободрившись, я шагнул к ней, распахивая докучливые вереск и ежевику. А вдруг там какие-то указания, которые позволят мне найти дорогу? Или — романтическая мысль! хотя, собственно, почему бы и нет? — одинокая Беатриче, к которой неудержимо рвётся моё сердце, запечатлела свою тоску и надежды там, где они имели бы шанс попасться на глаза ищущему приключений незнакомцу?

Увы! Представ перед надписью и прочитав её, я ощутил что-то вроде холодной судороги у себя за спиной (да простится мне неточность этого выражения!), и затем волна обжигающего холода пробежала у меня по спине вверх до самых корней волос, а мои колени — или то, что от них оставалось, — застучали друг о друга, как кастаньеты. Грубым почерком (что выдаёт решительный характер!) на бумаге без лишнего многословия были нацарапаны всего три лексические единицы: «Собаки — самострелы — капканы». Слова сами по себе в любую пору не шибко приятные, но особенно — в сумраке леса и с трёхметровым забором за спиной.

Объявление, ничего не скажешь, казалось вполне лаконичным, и тем не менее, перечитав его, я осознал, что оно содержит куда больше пищи для размышлений, чем любой пухлый том юридических упражнений в словесности. Что ж мне, спрашивается, отступать теперь, что ли, бросать своё предприятие? Ведь первые

трудности успешно преодолены! А если эта записка — всего только пустая угроза? Да о чём говорить! Кто это, спрашивается, вздумает устраивать такое свинство в своих же собственных владениях — сам же, скорее всего, и пострадает. Но до чего же, однако, ужасно выглядела сама комбинация идей! Допустим, я попал в капкан (ещё неизвестно, что под этим имеется в виду!), а тут на меня набрасывается ещё и собака, а может, и не одна. Только от этого предположения уже начинает бить дрожь. А с другой стороны, если эти ужасные собаки всюду рыщут здесь по лесу, то как, спрашивается, они сами не попадают в эти капканы и почему их не подстреливают самострелы? Сие здравое рассуждение вполне подкрепило мой упавший было дух, и я в конце концов двинулся через густой подлесок дальше.

Постепенно он начал редеть, и я смог пойти быстрее. Местами вились полузаросшие тропинки, но я предпочитал избегать их и держаться под прикрытием деревьев. Никогда не забыть мне этой страшной прогулки! Всякий раз, как трещал сучок под моими ногами, я взвивался в воздух в полной уверенности, что меня таки подстрелили. Думаю, ни один герой в романах не подвергался столь мучительным испытаниям ради своей дамы, и, смею заверить вас, ни одна дама того не стоит. Но двадцать пять тысяч фунтов, уверен, могут завоевать и пленить сердце самого робкого, хотя опять же и они едва ли в состоянии вознаградить меня за ужасы и мучения, которые, судя по всему, ещё поджидали меня впереди.

Я достиг, по-видимому, самых глубоких и наиболее недоступных частей этого заколдованного леса, как вдруг мне пришлось остановиться и даже присесть на корточки, дрожа всем телом от страха. Что это? Не звук ли шагов, что донёс до меня лёгкий ветерок? Я напрягал свой слух и собирался уже со вздохом облегчения встать на ноги, потому как утвердился в выводе, что мне всё показалось, как вдруг до слуха моего донёсся

тот же звук, но только громче прежнего. Боже мой! Сомнений не оставалось: источник звука приближается ко мне. Я лёг на землю прямо лицом в колючую ежевику в последней надежде скрыться из глаз. Шаги же всё приближались и приближались. То были, несомненно, шаги мужчины, только он шёл крадучись, ступал осторожно, словно старался подкрасться незамеченным. Неужели же какой-то негодяй заметил меня и теперь выслеживает, словно охотник оленя? Вот он всё ближе и ближе, я слышу уже шорох листьев о его одежду. Мне показалось даже, что я различаю даже звук его дыхания. Теперь ещё ближе, совсем рядом — и вот он возле меня; ветки ежевики передо мной раздвинулись, и человек шагнул оттуда чуть ли не на меня и с криком ужаса отпрыгнул, когда я вскочил на ноги. Но что это? Голос мне кажется знакомым, да и фигура тоже! Полноте, возможно ли это? Нет, я безошибочно смог установить личность нагнавшего на меня страхов преследователя: передо мной стоит, трясаясь от меньшего страха, мистер Роберт Эллиот из Линкольнс-Инна собственной персоной!

Sed quantum mutatus ab illo! — *Простите*: но какая в нём перемена! Элегантное пальто его всё изодрано и перемазано грязью. Аристократический лик испятнан пылью и потом, да ещё весь расцарапан — такие отметины, я знаю, оставила ежевика. Шляпа вмялась и вся как-то перекрутилась и теперь была впору только огородному пугалу. Тем нелепее выглядела часовая цепочка и запонки на рваной и грязной рубашке — какой-то гротескный оазис респектабельности посреди необъятной пустыни разрухи.

— Боб! — вскричал я с облегчением.

Прошла не одна секунда, прежде чем на лице моего товарища возникли какие-то признаки того, что он меня всё-таки узнал. После чего в его удивлённых глазах постепенно показалась тень улыбки, которая делалась

всё явственнее, покуда Боб не разразился наконец приступом оглушительного смеха.

— Веркер, хвала Юпитеру! — завопил он. — На кого ты похож!

Взглянув на свой собственный наряд, я мог только признать, что мы — два сапога пара. После вознесения на стену, падения в ров, блужданий в подлеске и вереске на мне едва ли оставался хоть один предмет туалета, который можно будет надеть ещё раз. Скажем прямо: оба мы походили на парочку чучел или, если угодно, на пару бродяг, отчаявшихся найти работу, и уж во всяком случае никто не признал бы в нас двух достойных представителей младшей адвокатуры.

— Что ты здесь делаешь, Эллиот? — спрашиваю я.

— Занят исследованиями, — уклончиво отвечает он. — А ты?

— Иссле... Да чёрт возьми! Неужели мы не можем говорить друг с другом прямо, Боб? И тебе, и мне известно, что ты пришёл сюда из-за девушки.

Товарищ мой, похоже, несколько смутился.

— Но ведь и ты тоже, я думаю? — парировал он.

— Конечно! И дураки же мы были, пытаясь морочить друг другу голову! Кабы держались вместе, глядишь, и не попали бы в такую дурацкую переделку.

— Ну уж я-то точно знаю, что никогда б не свалился в эту чёртову траншею, если б видел, что это уже сделал ты, — язвительно прокомментировал Боб.

— А, так ты тоже побывал на дне этого рва, приятель, так, что ли? — спросил я, впервые испытывая что-то вроде чувства удовлетворения с той минуты, как покинул гостеприимное заведение мэтра О'Кифа.

— Да, — простонал Боб. — Полагаю, что прошёл всю процедуру. А объявления на деревьях ты видел?

— Видел, — со вздохом ответил я.

— Старина Деннис уже подбирался к тебе?

— Нет, а что, ты его видел?

— Как не видеть! Он пронёсся от меня в десяти метрах. Во всяком случае, я думаю, то был он: эдакий здоровенный мрачный парень с огромной дубиной.

— Спаси нас боже! — только и мог сказать я.

— Так или иначе, но он уже ушёл. Весь вопрос теперь в том, что нам дальше делать?

— Как — что? Продолжать! — мужественно отвечал я. — К тому же возвращаться может оказаться даже опаснее, чем идти вперёд, коль этот свирепый молодец у нас за спиной.

— Ты прав! — ответил Эллот, напускной бодростью сиюсь заглушить меланхолическую дрожь в голосе. — Веди, я пойду следом.

— Нет уж, первым иди ты, — сказал я, уступая ему дорогу (не из врождённой любезности, разумеется, и не из обычной вежливости, а просто с мыслью, что это единственный способ до некоторой степени обезвредить упомянутые в объявлении кошмары).

Так мы пробирались через лес, шагая след в след, по-индейски, и, пройдя чуть ли не полмили, по-видимому, приблизились к его краю. Деревья здесь оказались мельче, а поляны — шире. Вдруг Боб остановился и показал вперёд.

— Вон дом, — сказал он.

Сомневаться не приходилось: сурового вида сооружение из серого камня, со множеством маленьких сверкающих окошек. Перед домом располагалась с большим вкусом устроенная лужайка; до некоторой степени она смягчала мрачный, чтобы не сказать тюремный, вид постройки. Ни снаружи, ни в окнах никого не было видно. Мы стали держать военный совет по поводу того, что нам предпринять дальше.

— Не можем же мы просто подойти к дому под каким-нибудь благовидным предлогом, верно ведь? — так определил наше положение Боб.

— Несомненно, то было бы весьма рискованно, — согласился я. — Они могут сделать с нами всё, что угодно. Похоже, это совершенно необузданные люди.

— И в придачу такой путь уж точно не оставит нам ни малейшего шанса перекинуться парочкой слов с юной леди, — добавил мой товарищ, и тут он тоже был прав.

— Положение наше выглядит дьявольски романтично, — заметил я в свою очередь.

— Да уж, хотел бы я знать, что подумал бы о нас Пендлтон, увидя нас здесь!

— Славный скромняга Пендлтон! Думаю, он посчитал бы нас сумасшедшими.

— Жаль, что он так отстал от жизни, — отозвался Боб. — Но скажи на милость, Джек, что ты собираешься сказать юной леди, если всё-таки её увидишь?

— Ну, сразу же скажу ей о своей любви и предложу ей бежать вместе со мною. Только всё нужно сделать сегодня же. Я ни за что не приду сюда второй раз. И вообще, думаю, романтическую девушку не так уж трудно будет увлечь подобным *суп де майн*¹.

— Но это же в точности мой план! — проговорил Боб жалобно.

— Да чёрта с два! — Я аж задохнулся от возмущения при виде такого нахальства, но тут же не менее жалобно простонал: — О боже! Вот она!

Последнее восклицание невольно вырвалось у меня при появлении на ступеньках дома элегантно одетой юной дамы. Черт лица её на таком расстоянии нельзя было разобрать, но прямая осанка и плавные, грациозные линии её фигуры недвусмысленно указывали, что молва несколько не преувеличила её очарования. Она обернулась, собираясь заговорить с идущей следом пожилой женщиной, должно быть своей матерью.

¹ Подвигом (*фр.*).

Та, насколько мы могли судить, кажется, плакала, — во всяком случае, она всё время подносила к глазам платок. Девушка обняла её одной рукой за плечи, словно желая утешить. Последнее ей, похоже, удалось, так как старшая вернулась в дом, а младшая, скакнув сразу через три ступеньки вниз, поспешила широким упругим шагом по тропинке, ведущей куда-то в кусты.

— Надо идти за ней! — вскричал я.

— Постой, — осадил меня Боб. — Прежде нам нужно прийти к какому-то соглашению. Согласись, выйдет ведь полная нелепость, если мы сразу набросимся на неё вдвоём с двумя объяснениями в любви!

— Да, она может испугаться, — согласился я. — Особенно если принять во внимание, что ни одного из нас она прежде в глаза не видывала.

— Так у кого же преимущественное право? — возопил Боб.

— У меня, как у старшего! — отвечивал я.

— Но зато я раньше вышел из гостиницы, — возразил Эллиот.

— Ладно! — говорю. — Если бросить монетку?

— Ничего другого, видать, не остаётся, — мрачно согласился Боб, извлекая из кармана пенни и подбрасывая его вверх. — Орёл!.. Так... решка! Что ж, так тому и быть. Такая уж, видно, моя доля. Разумеется, если юная леди сочтёт за благо тебе отказать, я волен поступать, как сочту нужным. По рукам?

— Конечно, — отвечал я, и мы устремились сквозь кусты, сразу почувствовав в себе уверенность, ибо наконец появилась какая-то определённости.

— Вот она! — шепнул Боб, когда мы заметили, как впереди между деревьями мелькает розовое платье.

— Да, но с ней разговаривает мужчина! — вырвалось у меня.

— Не может быть!

СОДЕРЖАНИЕ

Наследница из Гленмэголи. <i>Перевод П. Гелевы</i>	5
Бразильский кот. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	31
Вечер с нигилистами. <i>Перевод П. Гелевы</i>	55
Школьный учитель. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	73
Кровавая расправа на Мэнор-плейс. <i>Перевод П. Гелевы</i> ...	93
Приключения лондонского извозчика <i>Перевод П. Гелевы</i>	108
Полосатый сундук. <i>Перевод А. Горского</i>	121
Месть лорда Сэннокса. <i>Перевод В. Воронина</i>	138
Сомнительное дело об убийстве Мэри Эмслей <i>Перевод П. Гелевы</i>	151
Человек с часами. <i>Перевод В. Воронина</i>	166
Подъёмник. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	189
История любви Джорджа Винсента Паркера <i>Перевод П. Гелевы</i>	204
Исчезнувший экстренный поезд <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	220
Охотник за жуками. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	242
Опечатанная комната. <i>Перевод А. Дубова</i>	262
Хозяин Шато-Нуар. <i>Перевод П. Гелевы</i>	281
Колченогий бакалейщик. <i>Перевод А. Дубова</i>	298
Чудовища заоблачных высот. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	326
Двигатель Брауна — Перикорда. <i>Перевод П. Гелевы</i>	347
Кошмарная комната. <i>Перевод В. Воронина</i>	361
Сухопутный пират. <i>Перевод А. Горского</i>	371
Чёрный доктор. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	387
Как синьор Ламберт покинул сцену <i>Перевод П. Гелевы</i>	409
Перстень Тота. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	421